УДК 316.36
DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-111-123

Рост семейного насилия во время чрезвычайных ситуаций и пандемии COVID-19

Тамара К. Ростовская
Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru

Наталья А. Безвербная
Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия, bezvad@mail.ru

Аннотация. Проблема положения женщин, столкнувшихся с семейным насилием в условиях чрезвычайных ситуаций, среди которых экологические и техногенные катастрофы, пандемии, остается малоизученной. Основной корпус научных публикаций по данной теме представлен количественными и качественными исследованиями, проведенными в Австралии, Канаде, Новой Зеландии, США. В России за последние несколько лет произошли события, усугубившие проблему семейного насилия: во-первых, прекращен статистический учет правонарушений, связанных с нанесением побоев членам семьи и другим близким лицам. Поэтому основные данные получены авторами от некоммерческих организаций, оказывающих помощь пострадавшим от семейного насилия. Второе событие, которое коснулось каждой страны и территории – пандемия COVID-19: первая и вторая волна пандемии повлекли за собой ограничительные меры, что спровоцировало социально-экономическую напряженность в условиях изоляции. Декларацией Всемирной организации здравоохранения пандемия COVID-19 классифицирована как чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение. В этом контексте вопрос о рисках семейного насилия приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: гендерное насилие, семейное насилие, экологическая катастрофа, стихийные перемещения, пандемия COVID-19

Для цитирования: Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Рост семейного насилия во время чрезвычайных ситуаций и пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 111–123. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-111-123

© Ростовская Т.К., Безвербная Н.А., 2021

Rising domestic violence during emergencies and the COVID-19 pandemic

Tamara K. Rostovskaya
Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, rostovskaya.tamara@mail.ru

Natal'ya A. Bezverbnaya
Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, bezvad@mail.ru

Abstract. The issue of the situation of women facing domestic violence in emergency situations, including the environmental and man-made disasters, pandemics, in general, remains poorly understood. The main body of scientific publications on the topic is represented by quantitative and qualitative research conducted in Australia, Canada, New Zealand, and the USA. Several important events have taken place in the Russian Federation over the past few years, which, in our opinion, have aggravated the issue of domestic violence: firstly, cessation of the statistical recording of offenses related to beating the family members and other close persons, therefore, the main data were obtained by the authors from non-profit organizations that provide assistance to victims of domestic violence. The second event that affected every country and territory is the COVID-19 pandemic: the first and second waves of the pandemic entailed restrictive measures, which provoked socio-economic tensions in isolation. The COVID-19 pandemic is classified as a public health emergency of international concern by the World Health Organization Declaration. In that context, the issue of the risks of domestic violence is of particular relevance

Keywords: gender-based violence, family violence, environmental disaster, spontaneous displacement, COVID-19 pandemic

For citation: Rostovskaya, T.K. and Bezverbnaya, N.A. (2021), "Rising domestic violence during emergencies and the COVID-19 pandemic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series,* no. 1, pp. 111–123, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-111-123

Введение

Основное внимание после катастроф и чрезвычайных ситуаций уделяется ликвидации последствий, помощи пострадавшим, недопущению вспышки инфекционных заболеваний, восстановлению

инфраструктуры, удовлетворению основных потребностей, однако проблема насилия, в том числе семейного, в условиях чрезвычайных ситуаций остается практически незамеченной. Исследования, проведенные в ряде зарубежных стран, подтверждают гипотезу о том, что насильственные действия со стороны членов семьи, жестокое обращение с детьми, сексуализированное насилие широко распространены после чрезвычайных ситуаций.

В частности, первые исследования рисков семейно-бытового насилия после извержения в 1980 г. вулкана Сент-Хеленс на северо-западе США позволили выявить следующую негативную динамику – на 45,6% увеличилось зарегистрированных полицией случаев семейного насилия, а выдача судебных предписаний увеличилась вдвое после урагана Эндрю в 1992 г. (атлантический тропический ураган 5-й категории, третий по величине ураган, достигший берегов США в XX в.) [Rodriguez et al. 2006].

К сожалению, за последние годы не проводились фундаментальные исследования, связанные с изучением жестокого обращения в семейных отношениях после катастроф и чрезвычайных ситуаций. Вместе с тем начавшаяся в 2019 г. пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, которая стала катализатором конфликтов в межличностных отношениях, способствовала активизации научных исследований по обозначенной проблеме.

Рост насилия после чрезвычайных ситуаций, вызванных экзогенными факторами

Рост насилия был отмечен в первые шесть месяцев после обрушения урагана «Флойд» на Северную Каролину, США, в 1999 г., вызвав одну из крупнейших по величине эвакуаций в истории Америки. Частота черепно-мозговых травм у детей в возрасте до двух лет увеличилась в пять раз в округах, сильно пострадавших от урагана, в то время как в округах, менее пострадавших или не пострадавших, этот показатель не увеличился[1]. Другие исследования в США также показали рост числа сообщений о жестоком обращении с детьми после стихийных бедствий.

[1] *Le Masson V., Lim Sh., Budimir M., Selih Podboj J.* Disasters and violence against women and girls. Can disasters shake social norms and power relations?: Working paper [Электронный ресурс]. URL: https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/11113.pdf (дата обращения 15 января 2021).

Рост уровня насилия в межличностных отношениях между партнерами был отмечен на Филиппинах после извержения вулкана «Пинатубо» в 1991 г., в Никарагуа после урагана «Митч» в 1998 г., который вызвал серьезнейшие социально-экономические последствия (более 2,7 млн чел. потеряли жилье, пострадали и пропали без вести более 11 тыс. чел.), в США после землетрясения в Лома-Приета в 1989 г., и эксплозивного извержения вулкана Сент-Хеленс (1980 г.) [Enarson 1999].

Научный интерес исследователей к риску насилия в отношении женщин и детей значительно возрос после землетрясения в Индийском океане в 2004 г., урагана «Катрина» в США в 2005 г., а также землетрясения на Гаити в 2010 г. В то время СМИ привлекли внимание общественности к проблеме траффикинга, сексуального насилия после стихийных бедствий, но в исследовании Л. Страк и А. Эйджер [Stark, Ager 2011] было отмечено, что современные методы оценки распространенности гендерного насилия в сложных чрезвычайных ситуациях, как правило, основаны на выборках, не поддающихся проверке. Популяционный мониторинг проводится сравнительно редко. Насилие со стороны интимного партнера, физическое насилие и изнасилование были тремя категориями насилия, наиболее часто измеряемыми.

Ряд исследований, проведенных в США, Австралии и Новой Зеландии, также подтверждают корреляцию между экологическими и техногенными катастрофами и рисками семейно-бытового насилия: исследователями был отмечен 400%-ный рост спроса на приюты для женщин после Великого потопа вдоль рек Миссисипи и Миссури в США, произошедшего в 1993 г. После урагана Катрина был зафиксирован четырехкратный рост насилия со стороны интимных партнеров, кроме того, был отмечен 98%-ный рост физической виктимизации женщин. Тем самым был сделан вывод о том, что риск [насилия со стороны интимного партнера] повышается после крупномасштабных катастроф [Schumacher et al. 2010].

Таким образом, стихийные бедствия разрушают физическую и социальную среду, создавая неблагоприятные условия, следствием которых может быть насилие. Эти последствия могут оказывать как непосредственное, так и долгосрочное негативное влияние на человека, в частности повышенный стресс и чувство бессилия из-за тяжелой утраты, потери имущества и потери средств к существованию; проблемы психического здоровья, такие как посттравматическое стрессовое расстройство; потеря здоровья – в таких условиях люди, особенно менее защищенные слои населения, подвержены дополнительным рискам, среди которых разные формы насилия.

Рост насилия после чрезвычайных ситуаций, вызванных эндогенными факторами

Вспышка вируса Эбола началась в Гвинее в декабре 2013 г. Это была самая крупная из когда-либо зарегистрированных вспышек лихорадки Эбола, охватившая множество стран и континентов. Случаи заболевания были зарегистрированы в трех странах с широко распространенной и интенсивной передачей инфекции (Гвинея, Либерия и Сьерра-Леоне) и других странах с первоначальным случаем (случаями) или локализованной передачей. В качестве мер по предотвращению распространения инфекции были введены карантинные меры. После введенных ограничений женщины и девочки стали чаще подвергаться сексуальному насилию, принуждению и эксплуатации, однако жалобы о насилии не учитывались и не признавались. Кроме того, молодые женщины и девочки-подростки не могли посещать общественные собрания и получать инструкции о том, как защитить себя от этой болезни. Однако в то время как женщины и девочки сталкивались с участившимися случаями жестокого обращения и насилия, неспособностью уделять приоритетное внимание гендерному насилию, наряду с неэффективной системой здравоохранения и отсутствием координации, доступность услуг для выживших серьезно пострадала в этих странах. Например, в Сьерра-Леоне услуги по борьбе с гендерным и семейным насилием в системе общественного здравоохранения были серьезно нарушены из-за переориентации ресурсов и персонала. Несколько кризисных центров не прекращали свою работу, и число женщин и девочек, получающих доступ к медицинским услугам, консультациям, увеличилось на 19% по сравнению с предыдущими месяцами кризиса. В Либерии люди, пережившие насилие, были лишены доступа к базовым услугам общественного здравоохранения из-за страха, что медицинские работники могут заразиться. Полицейская и судебная системы были перегружены, что могло привести к дальнейшему росту насилия в отношении женщин, поскольку была создана «атмосфера безнаказанности». В Либерии более 27% людей высказались о том, что полиция и судебная система не справляются должным образом со случаями насилия. Кроме того, отсутствие доступа к базовым услугам в области репродуктивного здоровья привело к 75%-ному росту материнской смертности в Гвинее, Либерии и Сьерра-Леоне, поскольку среди молодых женщин в Западной Африке возросло число незапланированных беременностей.

Женщины, которые были в абьюзивных отношениях до катастрофы, могут испытывать насилие большей степени тяжести после катастрофы по причине того, что они отделены от семьи, друзей, убежищ и кризисных центров, которые ранее предлагали им некоторую меру защиты. После катастрофы женщины могут быть вынуждены полагаться на преступника для того, чтобы выжить.

Риски семейного насилия в период COVID-19

Угрожающие международному общественному здравоохранению события, такие как пандемия свиного гриппа H1N1, распространение полиомиелита в 2014 г., эпидемия лихорадки Эбола, вспыхнувшая в Западной Африке, вспышка вируса Зика в 2016 г., вспышка лихорадки Эбола в Киву в 2018–2019 гг.), квалифицируются ВОЗ как чрезвычайные ситуации, имеющие международное значение (PHEIC – Public Health Emergency of International Concern). Термин «чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение» появился в 2005 г. в Международных медико-санитарных правилах[2] (договор, в обязанности которого входит предоставление ВОЗ полномочий действовать в качестве главной глобальной системы эпидемиологического надзора).

ВОЗ объявила о чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения в январе 2020 г. [Beeching et al 2020] и пандемии в марте 2020 г. По состоянию на 11 февраля 2021 г. зарегистрировано более 107 млн случаев заражения и более 2,35 млн случаев смерти, ставшие следствием COVID-19.

По прошествии полугода с начала пандемии стало очевидно, что это событие существенным образом повлияло на жизни миллионов людей, поэтому необходимо было провести параллель между чрезвычайными ситуациями и пандемией COVID-19 с точки зрения катализатора обострения межличностных отношений, что привело по всему миру к росту разных форм и видов насилия.

Один из важнейших вопросов исследования – является ли чрезвычайная ситуация причиной насилия в семье. Потеря жилья и работы, травматические переживания, потеря родных и близких,

[2] WHO Library Cataloguing in Publication Data. International health regulations. 2nd ed. (2005) 1. Legislation, Health. 2. Communicable disease control – legislation. 3. Disease notification – legislation. 4. International cooperation. I. World Health Organization. II. Title: IHR (2005). ISBN 978-92-4-158041-0.

угнетенное психологическое состояние, употребление алкоголя и наркотиков – все это, с одной стороны, последствия чрезвычайных ситуаций и катастроф, но это также факторы риска для роста семейного насилия. Локдаун – как одна из мер, предпринятая большинством государств, препятствующая распространению коронавирусной инфекции, повлекла за собой повышенный контакт между членами семьи, часто в стесненных условиях, что привело к нарастанию напряжения.

Проблему семейного насилия существенно осложняет отсутствие официальной статистики, что стало следствием принятия Федерального закона «О внесении изменений в статью 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации» от 07.02.2017 № 8-ФЗ[3], поскольку данная статья ранее регулировала семейно-бытовое насилие в российских семьях. Однако согласно законодательству, нанесение побоев членам семьи и другим близким лицам, с момента вступления в силу Федерального закона, не относится к уголовному преступлению и может оцениваться как административное правонарушение [Ростовская, Безвербная 2019]. Кроме того, даже с учетом официальной статистики семейное насилие характеризуется высокой степенью латентности, поскольку не всегда пострадавшие от подобных действий решались обращаться за помощью в правоохранительные органы. Вместе с тем кризисные центры продолжают вести внутреннюю статистику, которая представлена ниже.

Данные исследования, проведенного Лабораторией гендерных проблем ИСЭПН ФНИСЦ РАН[4] и представленные на рис. 1, подтверждают латентность семейно-бытового насилия, однако сорокапроцентный показатель о редких случаях семейного насилия свидетельствует о высокой виктимизации, потому как случаи семейного насилия могут характеризоваться крайней жестокостью, вызывая общественный резонанс.

---

[3] Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=142348828408562248123728653&cacheid=BCF94A4B449C5DCA7BA71E9B61E6784D&mode=splus&base=LAW&n=212385&rnd=AEB55D482DB9AE755B18167CFA7F86EE#1pe5v6qxnnx (дата обращения 17 января 2021).

[4] Результаты выборочного социологического опроса населения РФ в зависимости от пола и возраста, выполненное в рамках государственного задания на 2018–2020 гг. на тему: «Гендерные аспекты социально-экономической динамики современной России» (№ 0165-2018-0001, д-р экон. наук, проф. В.Г. Доброхлеб).

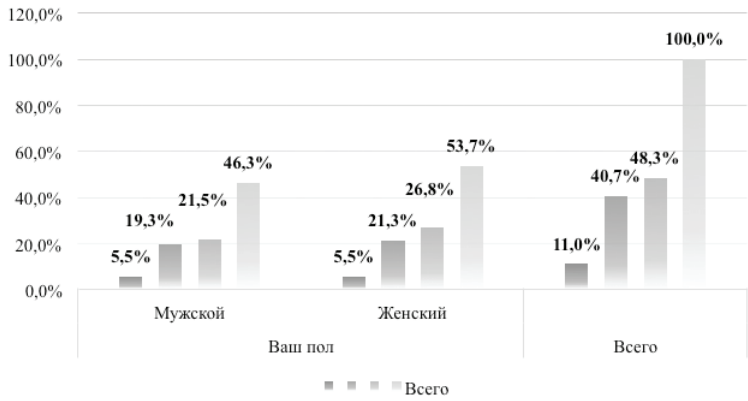

Рис. 1. Часто ли вы узнаете о проявлении насилия в семьях вашего населенного пункта?

Поскольку коронавирус продолжает распространяться по всему миру, а правительства принимают меры социального контроля, жертвы домашнего насилия, чаще всего женщины, сталкиваются с двойной угрозой: смертельный вирус снаружи и агрессор дома. По истечении полугода с начала пандемии стало ясно, что COVID-19 затронул абсолютно все сферы нашей жизни. Несмотря на тот факт, что почти все страны и люди попали под воздействие вируса, его влияние на различные группы людей оказалось неодинаковым.

Если говорить о статистике насилия в семье в период карантина в России, некоторые некоммерческие организации, работающие в сфере борьбы с домашним насилием, привели следующие цифры[5].

По информации, предоставленной Консорциумом женских неправительственных организаций (организация, предоставляющая юридическое сопровождение для пострадавших от домашнего насилия на всей территории страны), с марта по май 2020 г. всего зарегистрировано 353 жалобы, из них 104 – в марте, 111 – в апреле и 138 – в мае 2020 г. Следует также отметить, что количество обращений за помощью в Центральном Федеральном Округе, включая Москву, удвоилось в мае по сравнению со средним количеством обращений, поступающих в месяц.

[5] Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России: Доклад семи организаций по защите прав женщин [Электронный ресурс]. URL: https://wcons.net/wp-content/uploads/2020/07/Doklad-o-domashnem-nasilii-v-usloviyah-COVID-19-v-Rossii-2020-god.pdf (дата обращения 15 января 2021).

С марта по май 2020 г. Центр «Сестры» (Региональная общественная организация Независимый Благотворительный Центр помощи пережившим сексуальное насилие) оказывал помощь жертвам домашнего и сексуализированного насилия в дистанционном режиме по электронной почте или по телефону. Всего они получили 481 обращение по электронной почте, тогда как за последний год было всего 316 обращений. В апреле и мае 2020 г. количество обращений, поступивших по электронной почте, увеличилось почти вдвое по сравнению с тем же периодом 2019 г.

После введения режима самоизоляции возросло количество звонков на Всероссийскую «горячую линию» Центра «Анна» (Центр помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия). Общее количество звонков в период с марта по май 2020 г. составило 8682 звонка. После введения режима самоизоляции в марте Центром зарегистрировано 2437 звонков. В апреле всего поступило 2682 звонка. В мае количество звонков увеличилось до 3563. 69,5% женщин, позвонивших на «горячую линию», отметили, что во время самоизоляции ситуация дома ухудшилась. К тому же 3,8% женщин сказали, что у них в первый раз инциденты домашнего насилия произошли именно в период строгой изоляции.

В марте 2020 г. Проект «Зона права» открыл «горячую линию» для жертв домашнего насилия. Для того чтобы облегчить женщинам доступ к юридической помощи, линия работала в популярных мессенджерах (WhatsApp и Telegram). Проект сообщил о 1352 обращениях за помощью в апреле 2020 г. и 2038 обращениях в мае при среднем количестве в 500–700 обращений ежемесячно.

На Северном Кавказе две партнерские организации сообщили о резком росте количества обращений за помощью в апреле и мае 2020 г. Количество запросов на оказание юридической помощи в связи с домашним насилием в этот период увеличилось на 100%.

По информации сотрудников Псковского независимого социального женского центра, в апреле и мае 2020 г. количество обращений за помощью увеличилось в пять раз по сравнению с периодом январь–март 2020 г. Более того, количество звонков на псковскую «горячую линию» выросло на 200% по сравнению с тем, что было в январе–марте 2020 г. В апреле и мае Центр различными способами оказал помощь 94 женщинам и детям: 3 размещены в убежище; 15 получили консультации по «горячей линии»; 18 получили юридические консультации; 27 – консультации психолога; 31 – материальную помощь.

В отсутствие четких указаний государственных органов о возможном нарушении режима строгой изоляции в случае домашнего насилия некоторые женщины боялись покидать свои дома и бе-

жать от агрессора, поскольку думали, что тем самым они нарушили бы ограничение, предписывающее находиться дома. Более того, в некоторых случаях агрессоры угрожали женщинам звонком в полицию. Так продолжалось до 27 мая 2020 г., когда Министерство внутренних дел сделало официальное заявление о том, что лица, нарушившие регламент режима строгой изоляции в чрезвычайной ситуации, включая случаи домашнего насилия, не должны привлекаться к ответственности за это.

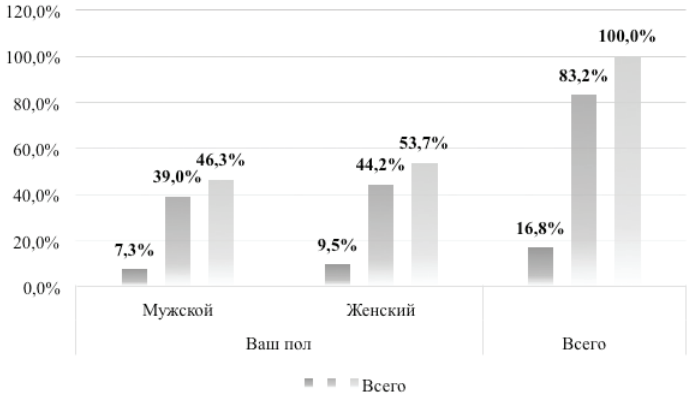

Рис. 2. Чаще ли Вы стали узнавать о случаях насилия в семьях в период введения режима самоизоляции?[6]

При сравнении данных рис. 1 и 2 заметно, что в период самоизоляции осведомленность респондентов о случаях насилия в семьях увеличилась на 4% у женщин и на 1,8% у мужчин, участвовавших в опросе – для нескольких месяцев самоизоляции такие цифры статистически значимы и подтверждают тезис о влиянии условий, детерминированных пандемией, на данную проблему.

Однако некоммерческий сектор сумел адаптироваться к новым требованиям в новых условиях, нашел возможности увеличения своего потенциала для того, чтобы справиться с наплывом звонков на «горячие линии» и переселением пострадавших в случае необходимости. Ряд неправительственных организаций перешли на круглосуточный график приема звонков от пострадавших и оказания психологической и юридической помощи (например, «Анна», «Ки-

[6] Результаты выборочного социологического опроса населения РФ в зависимости от пола и возраста...

теж»). Центр «Анна» начал работу над созданием всеобъемлющего чатбота с несколькими доступными сценариями оказания помощи. Чатбот предназначен для оказания помощи женщинам, которые не могут дозвониться на всероссийскую «горячую линию».

Силами некоммерческого сектора оказывается бесплатная юридическая помощь. Такую помощь оказывают, например, центры «Анна», «Китеж», «Консорциум», проект «Ты не одна», «Правовая инициатива» (последний проект создал работающего в Viber чатбота с исчерпывающей информацией о соответствующих специалистах в конкретном регионе, убежищах, НПО, журналистах и с инструкциями о том, как действовать в различных ситуациях. Сведения о проекте и чатботе распространялись в средствах массовой информации).

Министерство внутренних дел России утверждает, что для предупреждения ухудшения ситуации полиция выполняет комплекс соответствующих мер. В частности, полиция посещает лиц, находящихся в списке особого контроля, справляется у родственников об их поведении и привлекает к ответственности при наличии признаков преступлений. Полиция также информирует пострадавших о социальных службах. Министерство подчеркивает, что полиция реагирует незамедлительно на все сообщения о преступлениях, включая те, что касаются домашнего насилия.

Заключение

Несмотря на все предпринятые меры, не был выработан единый подход для решения проблемы семейного насилия, особенно в кризисных ситуациях, пандемия коронавирусной инфекции это подтвердила.

Таким образом, ситуационный кризис обнаруживает всеобъемлющую картину проблемы, а также широко идущие и разрушительные последствия – и обеспечивает более четкое представление о том, почему необходимы меры для минимизации данной проблемы в российском обществе. Исследования показывают, что крупные события, такие как пандемии, стихийные бедствия и рецессии, часто приводят к росту насилия в семье.

Уязвимость женщин и девочек в кризисных ситуациях еще более усугубляется отсутствием доступа к их обычным социальным сетям и источникам социальной поддержки, а также к медицинским и другим вспомогательным услугам, тем самым шансы уйти или сопротивляться жестоким отношениям уменьшаются. Поскольку механизмы оказания услуг работают в кризисном режиме для сдерживания пандемии, другие важнейшие услуги, особенно те, которые необходимы женщинам и девочкам, часто становятся недоступными

или лишаются приоритета и считаются несущественными. Кроме того, страх перед инфекцией, ограничение передвижения и общественные беспорядки, а также насилие и жестокое обращение могут помешать женщинам обращаться за медицинской помощью во время эпидемии.

Литература

Ростовская, Безвербная 2019 – *Ростовская Т.К., Безвербная Н.А.* Декриминализация семейного насилия: проблемные аспекты // Социальная среда и социальная политика: новые подходы и инновационные технологии: Материалы Междунар. научно-практич. конф. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской, З.Х. Саралиевой. М.: Экон-Информ, 2019. С. 177–184.

Ростовская, Писклакова-Паркер, Безвербная 2020 – *Ростовская Т.К., Писклакова-Паркер М.П., Безвербная Н.А.* Система профилактики семейного насилия глазами экспертов: анализ авторского социологического исследования // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 6. С. 103–111.

Beeching et al. 2020 – *Beeching N., Fletcher T., Fowler R.* Coronavirus disease 2019 (COVID-19). London: BMJ Best Practices. BMJ Publishing Group, 2020.

Enarson 1999 – *Enarson E.* Violence against women in disasters: a study of domestic violence programs in the US and Canada // Violence Against Women. 1999. № 5 (7). P. 742–768.

Rodriguez et al. 2006 – *Rodriguez H., Quarantelli E., Dynes R.* (2006), Handbook of Disaster Research: Foundations and New Directions for Research and Practice [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/321135839_Gender_and_ Disaster_Foundations_and_New_Directions_for_Research_and_Practice (дата обращения 15 января 2021).

Schumacher et al. 2010 – *Schumacher, J.A., Coffey, S.F., Norris, F.H., Tracy, M., Clements, K., & Galea, S.* Intimate partner violence and Hurricane Katrina: predictors and associated mental health outcomes // Violence and victims. 2010. № 25 (5). P. 588–603.

Stark, Ager 2011 – *Stark L., and Ager A.* A systematic review of prevalence studies of gender-based violence in complex emergencies // Trauma. Violence. Abuse. 2011. № 12 (3). P. 127–134.

References

Beeching, N., Fletcher, T. and Fowler, R. (2020), *Coronavirus disease 2019 (COVID-19)*, BMJ Best Practices. BMJ Publishing Group, London, UK.

Enarson, E. (1999), "Violence against women in disasters: a study of domestic violence programs in the US and Canada", *Violence Against Women*, no. 5 (7), pp. 742–768.

Rostovskaya, T.K. and Bezverbnaya, N.A. (2019), "Decriminalization of domestic violence. Aspects of an issue", *Sotsial'naya sreda i sotsial'naya politika: novye pod-*

khody i innovatsionnye tekhnologii: Materialy Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. Ser. "Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika" [Social environment and social policy. New approaches and innovative technologies, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. "Demography. Sociology. Economics" Series], Ryazantseva, S.V., Rostovskaya, T.K. and Saralieva Z.Kh. (eds.), Ekon-Inform, Moscow, Russia, pp. 177–184.

Rostovskaya, T.K., Pisklakova-Parker, M.P. and Bezverbnaya, N.A. (2020), "Family violence prevention system through the eyes of experts. Analysis of the author's sociological research", *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Socio-Economic Sciences Series,* no. 6, pp. 103–111.

Rodriguez, H., Quarantelli, E. and Dynes, R. (2006), Handbook of Disaster Research, available at: https://www.researchgate.net/publication/321135839_Gender_and_Disaster_Foundations_and_New_Directions_for_Research_and_Practice (Accessed 15 January 2021).

Schumacher, J.A., Coffey, S.F., Norris, F.H., Tracy, M., Clements K. and Galea, S. (2010), "Intimate partner violence and Hurricane Katrina: predictors and associated mental health outcomes", *Violence and victims*, no. 25 (5), pp. 588–603.

Stark, L., and Ager, A. (2011), "A systematic review of prevalence studies of gender-based violence in complex emergencies", *Trauma. Violence. Abuse*, no. 12 (3), pp. 127–134.

Информация об авторах

Тамара К. Ростовская, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; rostovskaya.tamara@mail.ru

Наталья А. Безвербная, соискатель, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; bezvad@mail.ru

Information about the authors

Tamara K. Rostovskaya, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 119333; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; rostovskaya.tamara@mail.ru

Natal'ya A. Bezverbnaya, applicant, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS); Moscow, Russia, 119333; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; bezvad@mail.ru